
Влада Баранова, Капитолина Федорова

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: МНОГОЯЗЫЧИЕ И НЕРАВЕНСТВО

В статье анализируется языковая политика в России с точки зрения языкового ландшафта, т. е. письменного использования языка(ков) в публичном пространстве. Языковая политика при этом понимается как вся совокупность мер, направленных на языковые практики, акторами которых могут быть официальные власти, бизнес-структуры и граждане. Изучение языковой политики проводится в двух аспектах. С одной стороны, рассматриваются законодательные и нормативные акты различных уровней, регламентирующие использование русского языка, других языков народов Российской Федерации и иностранных языков. С другой стороны, анализируются данные по языковому ландшафту конкретных российских городов, для которых характерны различные варианты многоязычной коммуникации (крупные города, привлекающие туристов и мигрантов; города, расположенные в национальных республиках; пограничные города). Выделяются основные тенденции в регулировании языкового ландшафта на уровне законодательства и на уровне повседневных практик. На фоне сохранения довольно жесткой монолингвальной идеологии, происходит постепенный рост языкового разнообразия в языковом ландшафте практически всех обследованных российских городов. Этот рост затрагивает как миноритарные языки РФ, так и иностранные языки, направленные на различные группы приезжих – туристов и трудовых мигрантов. Законодательство при этом может становиться инструментом, используемым различными группами активных граждан в интересах продвигаемого

Влада Вячеславовна Баранова – к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: vbaranova@hse.ru

Капитолина Сергеевна Федорова – к. ф. н., доцент, Школа гуманитарных наук, Таллиннский университет, Таллин, Эстония. Электронная почта: kapitolina.fedorova@tlu.ee

ими языка. Однако в ряде случаев, касающихся, прежде всего, пограничных зон, монолингвальный уклон языковой политики продолжает сохраняться и даже усиливается. В целом, неполная репрезентация иных языков, помимо русского, в публичном пространстве, отражает и закрепляет неравенство, существующее между носителями этих языков и русскоязычного монолингвального большинства. В статье обосновывается необходимость дальнейших кросс-региональных исследований языковой политики и языкового ландшафта для понимания изменений, происходящих в современном мире.

Ключевые слова: языковой ландшафт, многоязычие, языковая политика, миноритарные языки, миграция, российские города

DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640

Языковой ландшафт (ЯЛ) – это совокупность знаков, указателей, вывесок, наружной рекламы, частных объявлений, граффити и любых других письменных текстов в городской среде. ЯЛ российских городов представляет собой визуальную репрезентацию их многоязычия: показывает присутствие разных языковых групп, практики коммуникации, особенности и тематику многоязычных сообщений. Изучение ЯЛ предполагает обращение к данным, собранным в рамках региона или, конкретного города, в котором складывается конфигурация разных групп в результате внутренних и внешних миграций. Статья сфокусирована на вопросах регулирования ЯЛ и эффектах этого регулирования в разных ситуациях, поэтому ниже сопоставляются данные разных российских городов.

ЯЛ в контексте языкового планирования рассматривается с точки зрения дихотомии *top down* – *bottom up* (Ben-Rafael et al. 2006). В статье мы анализируем соотношение планирования сверху и практик, складывающихся снизу вверх, на уровне низовых акторов. Тем самым пытаемся ответить на следующие вопросы: насколько присутствие многоязычных надписей и знаков регулируется нормативной языковой политикой? Одинаковы ли права разных групп в доступе к визуальной информации на родном языке и каким образом это связано с существующим в обществе неравенством?

Контекст исследований

Исследования ЯЛ, начавшиеся в русле изучения степени сохранности миноритарных языков и репрезентации различных языковых ситуаций (Landry, Bourhis 1997), сейчас охватывают более широкую проблематику. В частности, становятся инструментом изучения неравенства и отношений власти в обществе (Gorter 2006; Blommaert 2013). Репрезентация различных языков в публичном пространстве далеко не всегда отражает реально существующее многоязычие. Причины таких несоответствий могут быть различными. Политическими, когда какая-то группа воспринимается как

потенциально угрожающая политической стабильности общества. Социальными, когда маргинальные группы вытесняются из общественных пространств, или отсутствует доступ к образованию и это приводит к отсутствию навыков письменного использования языка. Культурными, когда языки могут иметь различный статус, и некоторые из них воспринимаются как недопустимые для использования в каких-то контекстах. Кроме того, изменения ЯЛ могут рассматриваться как поддержание или нарушение существующего неравенства.

ЯЛ является наглядным результатом действия языковой политики. При этом следует помнить, что языковая политика и планирование (ЯПП) не монолитны и складываются как из регулятивных законодательных актов различного уровня, так и из практических действий различных акторов. ЯПП осуществляется не только государством, хотя чаще всего исследователями изучается именно этот уровень (Davies, Ziegler 2015: 2). Бернард Сполски рассматривает модели выбора языка на рабочем месте, в церкви, в медицинских и образовательных организациях, в судах или армии, и предлагает для всех этих ситуаций использовать понятие «языкового менеджмента» (Spolsky 2003). Языковое планирование при ближайшем рассмотрении распадается на ряд разноуровневых правил, регулирующих действия отдельных групп или носителей языков. Не пытаюсь выработать типологию институций или групп, планирующих ЯЛ в российском контексте, мы рассмотрим законодательные и организационные инициативы (бизнеса или граждан), влияющие на ЯЛ.

Следует подчеркнуть, что элемент языкового планирования снизу чрезвычайно важен: принимая решение о выборе языка в меню или надписях как элементах декора, владелец бизнеса ориентируется прежде всего на привлечение потребителей. Язык, в том числе письменный, может становиться объектом коммодификации (Heller 2010). Выбор языка в ЯЛ может быть частью осознанной стратегии, определяющей целевую группу и отсекающей другие, т. е. быть частью языкового менеджмента, или следовать моде, или представлениям о том, что французская надпись «подходит» магазинам одежды.

Материал и методы сбора и анализа

В статье сравниваются законодательство и практики регулирования ЯЛ российских городов. В качестве материала для анализа отбирались официальные документы, регулирующие письменное использование языков в городах, и данные, отражающие элементы ЯЛ (фотографии вывесок, стендов), иногда содержащие комментарии авторов текстовых сообщений на наглядном материале. С точки зрения объектов ЯПП, важно различать: (1) миноритарные языки, обладающие статусом (второго) государственного в субъектах РФ, например, татарский, бурятский, калмыцкий, чувашский; (2) языки трудовых

мигрантов, прежде всего, из Средней Азии, но также Китая и (3) языки, ориентированные на туристов (английский, европейские языки, китайский). В каждом регионе набор и конфигурация языков различается.

Для анализа законодательных инициатив использованы документы федерального, регионального или республиканского (Конституции республик) уровня, городские и муниципальные постановления. В некоторых случаях привлекались судебные дела по данным Федеральной антимонопольной службы, материалы обсуждений в СМИ проектов дизайнеров или урбанистов. Для понимания основных принципов и вариативности подобных постановлений проанализированы 35 актов, содержащихся в системе «Консультант» или опубликованных в официальной региональной прессе.

В фокусе нашего внимания оказалось несколько регионов, отражавших сложившиеся практики ЯЛ в отношении (1) миноритарного языка как (второго) государственного (Республика Калмыкия); (2) языков мигрантов из Средней Азии и Китая (Москва, Санкт-Петербург); (3) иностранных языков, ориентированных на туристов (английский и китайский в столицах, финский и эстонский в Ленинградской области)¹. Следует оговорить, что материалы собраны в разные годы в рамках разных проектов, поэтому они не полностью сопоставимы по полноте и хронологии. Наиболее полные данные имеются по Санкт-Петербургу, для которого существует интерактивная карта ЯЛ, созданная с помощью мобильного приложения *LinguaSnapp*–Санкт-Петербург² (Баранова, Федорова 2020), а также материалы, полученные в 2016–2018 гг. в рамках работы над несколькими кейсами до запуска мобильного приложения (см., Баранова, Федорова 2017). В Элисте основные городские пространства регулярно фиксировались одним из авторов в 2006, 2007, 2008 и 2015–2019 гг., также были обследованы другие населенные пункты Калмыкии. В Москве данные собраны в 2016–2019 гг., Ленинградской области – в 2010 и 2018 гг. В некоторых случаях дополнительно привлекались комментарии владельцев бизнеса или сотрудников.

Законодательная база для языкового менеджмента городского ландшафта

Основой для регуляции языковых вопросов на федеральном уровне является ФЗ-53 (2005) и Закон о рекламе (2006), согласно которым русский язык является государственным на всей территории РФ, языком делопроизводства, государственных органов (и, следовательно, официальных вывесок и объявлений), а также языком рекламы. Согласно дополнению

¹ Ингерманландский финский является и одним из миноритарных языков РФ, однако знаки направлены прежде всего на туристов и используют литературный финский язык.

² На момент написания статьи карта содержала чуть более одной тыс. фотографий из разных районов города: <https://linguasnapp.hse.spb.ru>.

от 5 мая 2014 г., в рекламе (и в других сферах, например, в СМИ) могут быть использованы государственные языки республик РФ, другие языки народов РФ, а также иностранные языки. В этом случае материалы «должны быть идентичными по содержанию и техническому оформлению, выполнены разборчиво» (Федеральный закон 2014). Эти формулировки в целом направлены на расширение функций русского и ограничения других языков, однако носят достаточно широкий характер.

Если категория «государственные языки республик РФ» отсылает к законодательствам республик, то объем и функции понятия «другие языки народов РФ» в законодательных актах не определены. В категории «иностранные языки» оказываются и языки постсоветского пространства, т. е. распространенные языки диаспор, члены которых часто имеют гражданство РФ, и трудовых мигрантов – граждан СНГ или стран ЕАС. Юридически они не отличаются по статусу от английского, немецкого или турецкого. В частности, в разное время ФАС со ссылкой на ФЗ-38 выносила предписания и/или штрафы за надписи на английском языке, а в г. Бузулук Оренбургской области – за использование узбекского языка без перевода в уличной рекламе «посреднических услуг в сфере легализации мигрантов» (ФАС Оренбург 2020).

На уровне Конституций республик законы о языках принимались в начале 1990-х гг.; функции и статус русского языка в этот момент не были определены подробно (Zamyatin 2015). Как правило, законы о языках в достаточно общем виде указывают на использование двух языков (русского и титульного языка республики) в вывесках государственных органов и географических указателях, включая названия улиц (Чувашия 2003), т. е. в тех ситуациях, когда и регулятором, и актором выступают официальные власти. Такой подход фактически не оставляет места для не упоминаемых в тексте законов транслитераций на латиницу названий и дорожных указателей (Калмыкия 2014). В Татарстане языковые вопросы регулярно становились предметом обсуждения и законотворчества. Например, программа поддержки языков предполагает переход к 2022 г. на двуязычные официальные указатели и вывески (Постановление 2013).

«Другие языки республики» (народов РФ) определены не очень четко и описаны через понятие «территории компактного проживания» (Чувашия 2003: Ст. 20), т. е. исходя из концепции прав коренных народов (Соколовский 2008). Таким образом, не «автохтонные» группы (мигранты советского и постсоветского времени, жители других регионов РФ) оказываются вне правового поля.

Муниципальные и городские постановления регулируют не собственно язык, а городскую среду, например, правила размещения рекламы и вывесок. В ряде документов язык не упоминается или представлен ссылкой на ФЗ. В других случаях, например в Калмыкии, локальные постановления администраций или поселковых советов прописывают необходимость

использовать преимущественно или даже исключительно русский язык, т.е. оказываются более жесткими, чем федеральные и республиканские законы. Но есть случаи и с подробно прописанными принципами. Ивангород, небольшой город Кингисеппского района Ленинградской области, является пропускным пунктом на российско-эстонской границе. В постановлениях администрации детально прописаны запреты для разных типов рекламных текстов: «на витражах иностранные знаки должны занимать не более 10% и иметь высоту шрифта не более 10 см» (Ивангород 2012). В Улан-Удэ существует запрет на «вертикальное расположение букв на вывеске» (2016). Можно предположить, что запрет введен, из-за распространенного способа стилизации вывесок кириллических букв под китайские иероглифы: вертикальное расположение, особенности начертания, красный цвет шрифта, изображение драконов.

В Москве действуют подробные правила (Правительство Москвы 2013) регуляции языка, к их разработке оказались привлечены многие заинтересованные акторы – дизайнеры и поставщики рекламной продукции. Другим примером инициативы участия профессионального сообщества является непринятый проект дизайн-кода Читы, объединивший в обсуждении местных дизайнеров с депутатами городской думы (Булавко 2019).

Языковой ландшафт российских городов

Количественный анализ знаков на миноритарном языке и на русском оказывается не слишком информативным, поскольку все кейсы свидетельствуют о доминировании русского даже в тех регионах, где предполагается равное представление информации на двух языках, в том числе в Татарстане (Габдрахманова и др. 2015), Чебоксарах и Чувашии (Alòs i Font 2019), Улан-Удэ (Иванов 2019), Якутске (Ferguson, Sidorova 2018). Однако важная тенденция ЯЛ последнего времени – увеличение знаков и вывесок на миноритарных языках. Например, в Якутске в 2013–2015 гг. увеличилось количество надписей и вывесок на якутском, как официальных, так и неофициальных (Ibid: 50). ЯЛ в значительной степени зависит от контекста, прежде всего миграционного, сложившейся конфигурации языков, однако выбранные кейсы отражают основные тенденции.

Государственные языки республик

В Калмыкии в постсоветское время в оформлении городского пространства используются «буддистские» и «восточные» образы, однако этот «встречный ориентализм» (Гучинова 2011) не имел языкового характера. В 2007 г. там практически не было надписей на калмыцком языке, а редкие случаи могли быть записаны на «Тодо бичиг» – традиционном калмыцком вертикальном письме, которое не использовалось в XX в. и неизвестно современным калмыкам. Элементы вывески в центре на Тодо

бичиг на воротах перед калмыцкой школой (см. электронное приложение, рис. 1) – элемент декора и дань этническим традициям.

В 2014 г., в рамках празднования 400-летия вхождения Калмыкии в состав России, выстроили или отремонтировали многие здания в восточном стиле (с покатыми крышами), а таблички на официальных учреждениях стали двуязычными. Примерно в это же время Элиста стала туристическим центром региона: среди жителей Волгограда и Ставрополя популярны однодневные автобусные туры в «центр буддизма». Появились и изменения ЯЛ «снизу»: новые заведения в центре названы калмыцкими словами или именами собственными, например, магазин буддийских товаров и сувениров «Седкл», т.е. душа (см. электронное приложение, рис. 2). Однако фотофиксация и анализ вывесок кафе и магазинов в центре Элисты в 2018–2019 гг. показывает, что в большинстве случаев калмыцким является только название, и лишь некоторые заведения предоставляют какую-либо иную информацию на калмыцком (см. электронное приложение, рис. 3). Хотя он имеет преимущественно символическую функцию, важно учитывать динамику ЯЛ и появляющиеся новые функции миноритарного языка.

В последние годы среди жителей Калмыкии все чаще артикулируется ценность родного языка, отмечается увеличение индивидуальных усилий, направленных на сохранение калмыцкого. Например, руководитель сельского муниципального образования заказал таблички на калмыцком, с просьбой говорить по-калмыцки (см. электронное приложение, рис. 4). Как он пояснил в интервью, сделал это за свой счет и попросил разрешения разместить таблички в магазине и в сельской школе. То есть роли местного жителя и руководителя сельской администрации переплелись в небольшом сообществе.

Обсуждение поддержки родного языка и ЯЛ характерны для разных регионов. Отчасти эти дискуссии связаны с повсеместным распространением доступа в интернет и легкой возможностью сделать ЯЛ видимым не только в физическом пространстве, но и в виртуальном. Наиболее ярко это проявляется в Татарстане, прежде всего в Казани, где представители общественного молодежного движения «Узебез» («Мы сами») проводят «Татар дозор» – волонтерские проверки, а граждане подают индивидуальные обращения онлайн в «Народный контроль» о непереуведенных вывесках или ошибках в указателях на татарском (Габдрахманова и др. 2015: 11–12). В Чувашии активисты организаций «Хавал» и «Ирëклëх» также обращаются с жалобами в «Народный контроль» и прокуратуру в связи с несоблюдением закона, предполагающего использование чувашского в ЯЛ, а также ведут фотоблог с фиксацией нарушений (Alòs i Font 2019).

Иностранные языки в пространстве большого города

С точки зрения практик ЯЛ, языки постсоветского пространства не входят в группу иностранных (вопреки законодательству). Типичными иностранными языками оказываются английский и китайский. В городах,

где проходили матчи чемпионата мира по футболу 2018 г., увеличилось количество вывесок и объявлений в транспорте на английском. Китайский постепенно становится вторым официальным туристическим языком. Появление табло и информационных объявлений в аэропортах и на вокзалах Москвы и Санкт-Петербурга в 2017 г. привело к «легализации» китайского в ЯЛ этих городов.

По нашим наблюдениям, в 2016–2017 гг. в Санкт-Петербурге китайский в ЯЛ возникал лишь как язык мигрантов, в закрытых и не бросающихся в глаза посторонним местах. Например, во внутренних коридорах рынка Апраксин двор (Баранова, Федорова 2017). На протяжении 2017–2019 гг. наблюдалось лавинообразное увеличение использования китайского в публичном пространстве. Примером могут быть вывески, рекламные объявления или даже написанное мелом меню дня (что требует знания языка для обновления товара дня) в кофейне на Московском вокзале в Санкт-Петербурге (см. электронное приложение, рис. 5) и на Ленинградском вокзале в Москве (см. электронное приложение, рис. 6). По словам продавщицы из передвижного ларька с косметикой на Ленинградском вокзале, товары покупают только китайцы, а русскоязычные покупатели интересуются надписями на китайском, «всем нравится». Надписи на китайском являются частью дизайна витрины: при выборе текста для перевода учитывалось, насколько «хорошо будет выглядеть» ценник и количество иероглифов в китайском варианте (русскоязычная продавщица, ж., ок. 50). Многоязычие транзитного места воспринимается как интересная особенность, часть туристической инфраструктуры, что позволяет преодолеть существующие стереотипные представления о языках и обсуждать их в разных контекстах (см.: Григоричев и др. 2019).

Приграничные регионы: страхи и сомнения

Отдельного упоминания заслуживает ситуация с иностранными языками в ЯЛ приграничных городов. Города, находящиеся в непосредственной близости к границе и извлекающие из нее экономическую выгоду, значительно отличаются от городов внутри страны, в том числе за счет многоязычия и межэтнической коммуникации (Abel et al. 2007). Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что российские пограничные города не вполне укладываются в эту тенденцию, как с языковой стороны, так и с точки зрения стратегий построения городской идентичности. В частности, на российско-китайской границе наблюдается резкий контраст между многоязычием приграничных китайских городов и почти полным отсутствием китайского визуального присутствия в пространстве городов на российской стороне границы (Fedorova 2017; Billé 2017).

Случай Ивангорода с его жесткой ЯПП в этом свете выглядит далеко не случайным. Действительно, ЯЛ Ивангорода практически одноязычен, и даже в тех случаях, когда иностранный язык каким-то образом задействуется

в официальных регулирующих знаках (в некоторых вывесках на пограничном пункте), выбор делается в пользу английского языка, а не языка соседней Эстонии. ЯЛ Выборга, находящегося вблизи границы с Финляндией, выглядит еще более интересно. Сопоставление данных 2010 и 2018 гг. показывает, что, с одной стороны, присутствие финского языка в ЯЛ несколько увеличивается благодаря усилиям местного бизнеса, пытающегося привлечь финских клиентов. С другой стороны, часть ЯЛ, регулируемая городскими властями, утрачивает финский язык и лишается отсылок к пограничному характеру города. В частности, указатели на вокзале, которые были выполнены на трех языках (русском, английском и финском), теперь содержат только русский и английский.

Языки мигрантов в городе: шаг в сторону легитимности

Языки мигрантов, прежде всего из Средней Азии, до недавнего времени почти не были представлены в ЯЛ городов-центров миграции, Москвы и Санкт-Петербурга. Дисбаланс между многоязычием населяющих столицы людей и его визуальной репрезентацией в публичном пространстве, отражает и маргинальный статус мигрантов и их языков в глазах русскоязычного большинства, сильный одноязычный уклон в российской языковой идеологии (Baranova, Fedorova forthcoming). До недавнего времени в Санкт-Петербурге из всех языков мигрантов только узбекский и китайский регулярно встречались в ЯЛ, преимущественно во внутригрупповой коммуникации и в маргинальных городских пространствах, например, реклама секс-услуг вокруг рынков и вокзалов на узбекском (Баранова, Федорова 2017). Власти и бизнес, ориентированный на мигрантов (например, компании, помогающие в оформлении трудовых патентов), в общении с ними использовали почти исключительно русский язык.

Однако позднее, в 2018–2019 гг., появились изготовленные по единому стандарту вывески в работающих с мигрантами подразделениях Единого центра документов в Санкт-Петербурге на трех языках: русском, таджикском и узбекском (см. электронное приложение, рис. 7). Многоязычные объявления о приеме на работу начали регулярно размещаться коммунальными службами и различными предприятиями (см. электронное приложение, рис. 8). В частных объявлениях появляются примеры одновременного использования русского и узбекского языков (см. электронное приложение, рис. 9), т.е. один и тот же текст задействует в качестве адресатов и русскоязычных жителей города, и мигрантов (Баранова, Федорова 2020).

Другое новое явление ЯЛ связано с китайским языком и появлением новой группы его носителей – китайского среднего класса, ведущего бизнес в России. Вывески по-китайски, рекламирующие агентство недвижимости или услуги бизнес-центра (см. электронное приложение, рис. 10) нацелены именно на эту категорию граждан.

Дискуссия. Все что не запрещено – разрешено? Законодательство и практика

Рассмотренные примеры показывают, что соотношение законодательства и практики ЯЛ оказывается неоднозначным. Иногда в более регламентированных местах миноритарных языков в ЯЛ меньше: примером может служить строгая регламентация и полное отсутствие эстонского языка в ЯЛ в Ивангороде. В то же время в Выборге (также Ленинградская область) правила формальны, но финский язык неофициально используется в туристической сфере. Важнее оказывается соотношение менеджмента и ЯЛ. Так, законы о национальных языках республик длительное время не приводили к их реальному использованию в ЯЛ. Сейчас это один из важнейших аргументов при обращении с проверками в прокуратуру или «Народный контроль». Практики этнического и языкового активизма, с одной стороны, сосредоточены на защите языковых прав, с другой – юридическая база о миноритарных языках на фоне «интереса к корням» используется для привлечения внимания туристов, клиентов магазинов этнических сувениров, кафе и пр.

Важной особенностью законодательства, как федерального закона о языке, так и регионального, регулирующего ЯЛ и городскую среду в целом, является отсутствие в нем других, кроме русского, языков республик или народов РФ и «иностраннных» языков. При таком подходе многие жители города становятся невидимыми – это временные или постоянные мигранты, диаспоры. При этом де факто мы наблюдаем изменения, в том числе на официальном уровне, когда, например, центр, занимающийся регистрацией мигрантов, начинает использовать узбекский и таджикский языки в своих вывесках и указателях.

Хотя с 2005 г. на законодательном уровне происходило усиление роли русского языка, на официальном или околосударственном уровне (РЖД, аэропорты, МВД) появляются знаки и табло на английском, китайском или языках мигрантов. При этом не удается обнаружить официальных постановлений, регулирующих эти новые практики *de jure*. Мы наблюдаем отставание законодательства от складывающихся практик, а имеющиеся лакуны используются акторами для создания инклюзивной языковой среды. Трудовые мигранты являются уязвимой группой во многих отношениях, в том числе и в отношении языка – доступ ко многим услугам затруднен языковым барьером. Более того, языковое неравенство традиционно ведет к усилению маргинализации группы, слабо владеющей языком большинства (Magácz, Adamo 2017). Именно поэтому кейсы, подобные судебному прецеденту в г. Бузулук, когда существующее законодательство используется для «защиты» русского языка и демонтажа элементов многоязычного ЯЛ, могут оказывать серьезное негативное влияние, способствуя закреплению языкового и социального неравенства и препятствуя смягчению монолингвального режима.

Доля миноритарных языков в ЯЛ увеличивается, однако это увеличение пока не выглядит количественно значимым. Важно, что ЯЛ оказывается в центре внимания различных дискурсов – урбанистов, бизнеса, администрации и депутатов, активистов, простых горожан – под влиянием нескольких, нередко действующих одновременно, тенденций. Пример Элисты показывает появление языковых элементов в монолингвальном ЯЛ при возникновении «моды на этническое», т. е. происходит коммодификация языка (Heller 2010). Этнический активизм также приводит к артикуляции требований визуальной представленности языка в городском пространстве. С практической точки зрения для двуязычных жителей не так важны языки табличек и надписей, однако на символическом уровне их значимость достаточно высока для формирования новых солидарностей и действий, а рефлексия над языковыми правами вводит в фокус общественного внимания саму идею языкового неравенства. Признание за мигрантами права на языковую репрезентацию также свидетельствует о расширении сферы субъектности языкового менеджмента и постепенном размывании монолингвальной идеологии.

Заключение

Представленный анализ имеет заведомо пунктирный характер, однако нам хотелось обозначить те линии, по которым можно сопоставить ЯЛ российских регионов. Пестрая палитра возможностей реализации соотношения законов о ЯЛ и практики показывают несколько важных следствий. Во-первых, важным оказывается не законодательство и правила *per se*, а негласные требования, ощущение, что «так принято» или «не принято» делать, базирующиеся на идеологии монолингвизма. При запросе на конкурирующие модели интерпретации и другие идеологии, действующее законодательство оказывается работающим механизмом изменений.

Во-вторых, языковое планирование не ограничивается законодательным уровнем, и его низовой уровень меняет ЯЛ городов. Для анализа этих изменений необходимы новые инструменты, предполагающие, что жители видят свой город лучше, чем один исследователь, ограниченный заданной оптикой или маршрутами. Примером может служить создаваемая пользователями карта *LinguaSnapp* – Санкт-Петербург (Баранова, Федорова 2020). Для продуктивного анализа ЯЛ и выявления тенденций изменений в репрезентации различных языков и их носителей представляется важным создание аналогичных карт для различных регионов России.

Наконец, активизация дискуссий вокруг многоязычия в городском пространстве свидетельствует о некоторых изменениях в доминирующей в российской культуре языковой идеологии, и, что еще более важно, сама по себе способствует этим изменениям. Неочевидная для большинства и непроблематизируемая связь между языком и неравенством начинает постепенно

осознаваться, что в перспективе может привести к повороту языковой политики в сторону большей инклюзивности и уменьшению неравенства.

Выражение признательности

Публикация частично подготовлена в ходе проведения исследования 20–01–073 «Многоязычие и миноритарные языки РФ в контексте языковой политики на микроуровне: языковой активизм онлайн и офлайн» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Материалы для анализа

Булавко В. (2019) Администрация Читы решила очистить от рекламы фасады зданий в 2019 году. *Чита!ру*. 6.01.2019.

Ивангород (2012) *Правила внешнего благоустройства и обеспечения санитарного состояния территории МО «Город Ивангород Кингисеппского муниципального района Ленинградской области»* N 54 от 18.07.2012 г.

Калмыкия (2014) *О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия* N 93-V-3 от 15.12.2014 г.

Чувашия (2003) *О языках в Чувашской республике* N 35 от 25.11.2003 г.

Песчаное (2018) *Об утверждении Положения о порядке размещения нестационарных торговых объектов на территории Песчаного СМО Республики Калмыкия* N 8 от 16.05.2018.

Постановление (2013) *Об утверждении Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2022 годы»* N 794 от 25.10.2013 г.

Правительство Москвы (2013) *О размещении информационных конструкций в городе Москве*.

Улан-Удэ (2016) *Об утверждении Положения о порядке согласования эскизного проекта размещения информационных конструкций* N 229 от 06.09.2018 г.

ФАС Оренбург (2020) *Осторожно! Реклама на иностранном языке. Оренбург: Управление Федеральной антимонопольной службы по Оренбургской области*.

Федеральный закон (2005) *О государственном языке Российской Федерации* N 53 от 1.06.2005.

Федеральный закон (2014) *О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка* N 101-ФЗ от 05.05.2014.

Федеральный закон (2006) *О рекламе* N 38-ФЗ от 13.03.2006.

Список источников

Баранова В., Федорова К. (2017) (Не)видимость и (вне)находимость: Трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга. *Городские исследования и практики*, 2 (1): 103–121.

Баранова В., Федорова К. (2020) Видимо-невидимо: миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга. *Laboratorium*, 2 (1): 105–137.

- Григоричев К. В., Дятлов В. И., Тимошкин Д. О., Брызгина Д. Е. (2019) *Базар и город: люди, пространства, образы*. Иркутск: Оттиск.
- Габдрахманова Г. Ф., Махмутов З. А., Сагдиева Э. А. (2015) *Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона*. Казань: Артефакт.
- Гучинова Э. (2011) «Встречный ориентализм»: случай Элисты. Э. Гучинова, Г. Комарова (ред.) *Антропология социальных перемен: к 70-летию В. А. Тишкова*. М.: РОССПЭН: 465–481.
- Иванов В. В. (2019) *Языковой ландшафт города Улан-Удэ*. Курсовая работа магистра. М.: НИУ ВШЭ.
- Соколовский С. В. (2008) О смысле понятия «коренной народ»: Дискуссия. *Этнографическое обозрение*, (4): 59–76.
- Abel A., Stuflesser M., Voltmer L. (2007) *Aspects of Multilingualism in European Border Regions: Insights and Views from Alsace, Eastern Macedonia and Thrace, the Lublin Voivodeship and South Tyrol*. Bozen: European Academy Bozen.
- Alòs i Font H. (2019) Russian, Chuvash and English: Minority-language Activism, Tourism Promotion and the Evolution of Municipal Advertisements in Shupashkar/Cheboksary (2015–2018). In: A. Nikunlassi, E. Protassova (eds.) *Russian Language in the Multilingual World*. Vol. 52. Helsinki: University of Helsinki: 68–86.
- Baranova V., Fedorova K. (forthcoming) Overcoming Aggressive Monolingualism: Prejudices and Linguistic Diversity in Russian megalopolises. *Open Linguistics*.
- Ben-Rafael E., Shohami E., Amara M., Trumper-Hecht N. (2006) Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel. In: D. Gorter (ed.) *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters: 7–30.
- Billé F. (2017) Bright Lights Across the River. Competing Modernities at China's Edge. In: M. Saxer, J. Zhang (eds.) *The Art of Neighbouring. Making Relations Across China's Borders*. Amsterdam: Amsterdam University Press: 33–56.
- Blommaert J. (2013) *Ethnography, Superdiversity, and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*. Bristol: Multilingual Matters.
- Davies W., Ziegler E. (eds.) (2015) *Language Planning and Microlinguistics: From Policy to Interaction and Vice Versa*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Fedorova K. (2017) Manzhouli or Manchzhuria? Linguistic and Cultural Hybridization in the Border City. In: F. Dervin, R. Machart (eds.) *Intercultural Communication with China: Beyond (Reverse) Essentialism and Culturalism?* Singapore: Springer: 91–110.
- Ferguson J., Sidorova L. (2018) What Language Advertises: Ethnographic Branding in the Linguistic Landscape of Yakutsk. *Language Policy*, (17): 23–54.
- Gorter D. (ed.) (2006) *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Toronto: Multilingual matters.
- Heller M. (2010) The Commodification of Language. *Annual Review of Anthropology*, (29): 101–114.
- Landry R., Bourhis R. (1997) Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*, (16): 23–49.
- Marác L., Adamo S. (2017) Multilingualism and Social Inclusion. *Social Inclusion*, 5 (4): 1–4.
- Spolsky B. (2003) *Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zamyatin K. (2015) The Evolution of Language Ideology in Post-Soviet Russia. In: H. Marten, M. Rießler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.) *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union*. London: Springer: 279–313.

THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF REGULATION IN RUSSIAN CITIES: MULTILINGUALISM AND INEQUALITY

The article analyses language policy in Russia from the perspective of linguistic landscape, i.e. written use of language(s) in public space. Language policy is approached as a complex phenomenon including all measures directed to language practice regulation; its actors could be official authorities, business enterprises, non-commercial organizations, and citizens. Our research on language policy in Russian cities is conducted along two lines. On the one hand, we consider federal, regional and local legislation and normative documents relating to the use of the Russian language, languages of Russian national republics, and foreign languages. On the other hand, we examine data on the linguistic landscapes of Russian cities representing different cases of multilingual communication (megalopolises attracting tourists and migrants; cities in national republics of Russia; border cities). As a result, the main tendencies of linguistic landscape regulation on legislative level and on the level of everyday practices are revealed: on the one hand, despite retaining to rather strict monolingual ideology, there is a certain growth in representation of linguistic diversity in linguistic landscapes of most observed Russian cities. This growth is evident both in the case of languages of national republics and in the case of foreign languages aimed at different categories of newcomers – tourists and labor migrants. In the process, legislation could be used by different groups of active citizens as an instrument for promoting a certain language. In some cases, mostly in the border areas, the monolingual bias of language policy still prevails and sometimes even become stronger. In general, underrepresentation of other languages than Russian reflects and helps to maintain existing inequality between their speakers and Russian-speaking majority. The paper argues for further cross-regional studies on language policy and linguistic landscape in Russia necessary for understanding global changes and challenges.

Key words: linguistic landscape, multilingualism, minority language, language ideology, migration, Russian cities

DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640

References

Abel A., Stuflesser M., Voltmer L. (2007) *Aspects of Multilingualism in European Border Regions: Insights and Views from Alsace, Eastern Macedonia and Thrace, the Lublin Voivodeship and South Tyrol*. Bozen: European Academy Bozen.

Vlada Baranova – Cand. Sci (Hist.), associate professor, National Research University 'Higher School of Economics' – St. Petersburg; Researcher, The Institute of Linguistics Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. Email: vbaranova@hse.ru

Kapitolina Fedorova – Cand. Sci (Phil.), associate professor, School of Humanities, Tallinn, Estonia. Email: kapitolina.fedorova@tlu.ee

- Alòs i Font H. (2019) Russian, Chuvash and English: Minority-language Activism, Tourism Promotion and the Evolution of Municipal Advertisements in Shupashkar/Chebok-sary (2015–2018). In: A. Nikunlassi, E. Protassova (eds.) *Russian Language in the Multilingual World*. Vol. 52. Helsinki: University of Helsinki: 68–86.
- Baranova V., Fedorova K. (2017) (Ne)vidimost' i (vne)nakhodimost': Trudovye migranty i iazykovoj landschaft Sankt-Peterburga [(In)visibility and (Non)existence: Labor Migrants and Linguistic Landscape in St. Petersburg]. *Gorodskie issledovaniia i praktiki* [Urban Studies and Practices], 2 (1): 103–121.
- Baranova V., Fedorova K. (2020) Vidimo-nevidimo: migratsija i transformatsija jazykovogo landschafta Sankt-Peterburga. [Growing Visibility: Migration and Transformations in St. Petersburg's Linguistic Landscape]. *Laboratorium*, 2 (1): 105–137.
- Baranova V., Fedorova K. (forthcoming) Overcoming Aggressive Monolingualism: Prejudices and Linguistic Diversity in Russian Megalopolities. *Open Linguistics*.
- Blommaert J. (2013) *Ethnography, Superdiversity, and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity*. Bristol: Multilingual Matters.
- Ben-Rafael E., Shohami E., Amara M., Trumper-Hecht N. (2006) Linguistic Landscape as Symbolic Construction of the Public Space: The Case of Israel. In: D. Gorter (ed.) *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters: 7–30.
- Billé F. (2017) Bright Lights Across the River. Competing Modernities at China's Edge. In: M. Saxer, J. Zhang (eds.) *The Art of Neighbouring. Making Relations Across China's Borders*. Amsterdam: Amsterdam University Press: 33–56.
- Davies W., Ziegler E. (eds.) (2015) *Language Planning and Microlinguistics: From Policy to Interaction and Vice Versa*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gabdrahmanova G.F., Mahmutov Z.A., Sagdieva Je.A. (2015) *Gosudarstvennye jazyki Respubliki Tatarstan v jazykovom landschafte regiona* [State Languages of Tatarstan Republic in the Region's Linguistic Landscape]. Kazan': Institut istorii im.Sh.Mardzhani AN RT.
- Grigorichev K.V., Djatlov V.I., Timoshkin D.O., Brjazgina D.E. (2019) *Bazar i gorod: ljudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and City: People, Spaces, Images]. Irkutsk: Ottisk.
- Gorter D. (ed.) (2006) *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Toronto: Multilingual matters.
- Guchinova E. (2011) 'Vstrechnyj orientalizm': sluchaj Jelisty ['Counter-Orientalism': The Case of Elista]. In: Je. Guchinova, G. Komarova (eds.) *Antropologija social'nyh peremen: k 70-letiju V.A. Tishkova* [Anthropology of Social Change]. Moscow: ROSSPEN: 465–481.
- Ivanov V.V. (2019) *Jazykovoj landschaft goroda Ulan-Udje* [Linguistic Landscape of Ulan-Ude]. MA course paper. Moscow: HSE.
- Fedorova K. (2017) Manzhouli or Manchzhuria? Linguistic and Cultural Hybridization in the Border City. In: F. Dervin, R. Machart (eds.) *Intercultural Communication with China: Beyond (Reverse) Essentialism and Culturalism?* Singapore: Springer: 91–110.
- Ferguson J., Sidorova L. (2018) What Language Advertises: Ethnographic Branding in the Linguistic Landscape of Yakutsk. *Language Policy*, (17): 23–54.

- Heller M. (2010) The Commodification of Language. *Annual Review of Anthropology*, (29): 101–114.
- Landry R., Bourhis R. (1997) Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*, (16): 23–49.
- Marácz L., Adamo S. (2017) Multilingualism and Social Inclusion. *Social Inclusion*, 5 (4): 1–4.
- Sokolovskij S. V. (2008) O smysle ponjatija 'korennoj narod': diskussija. [On the Meaning of the Term 'Aboriginal People']. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], (4): 59–76.
- Spolsky B. (2003) *Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zamyatin K. (2015) The Evolution of Language Ideology in Post-Soviet Russia. In: H. Marten, M. Rießler, J. Saarikivi, R. Toivanen (eds.) *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union*. London: Springer: 279–313.